

Размышления над новой книгой

© 2017 г.

Т.М. КОЧЕГАРОВА

РОССИЯ МЕЖДУ ОТЧАЯНИЕМ И НАДЕЖДой (о книгах Р. Гринберга)

КОЧЕГАРОВА Тамара Михайловна – старший научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. В современном научном поиске всё более заметна тенденция к синтезу способов познания. Особенно это характерно для общественных наук, где границы между различными её отраслями размываются или становятся условными. Известный российский экономист чл.-корр. РАН Р.Г. Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН, в двух своих последних монографиях, посвящённых итогам российских реформ 1990-х гг., выступает не только как представитель теоретической экономики, но и как социолог, рассматривающий общество в целом, чтобы дать более точную оценку российской реформации, приведшей нашу страну к её нынешнему печальному состоянию.

Ключевые слова: свобода • справедливость • социальное государство • социал-демократия • неолиберализм • социодинамика • системный кризис

DOI: 10.7868/S0132162517070194

В канун 25-летия российских экономических реформ вышла новая монография Р.С. Гринберга, посвящённая постсоветской трансформации России¹. Проблематика этой работы является продолжением исследования результатов российской реформации, представленной автором в его монографии, подготовленной к 20-летию реформ².

В современном мире быстро развиваются две параллельные тенденции. С одной стороны, растущее многообразие проблем, возникших перед человечеством, заставляет учёных обращаться к синтезу научного познания, что оформляется в “междисциплинарных исследованиях”. Общество существует как единая социальная система и анализ его отдельных элементов не должен уводить исследователей от рассмотрения его целостности. С другой стороны, общественные науки достигли такого уровня дифференциации, что задача рассмотреть какую-либо из общественных проблем – историческую, экономическую, демографическую, культурологическую, правовую, политологическую – даже в отраслевом масштабе становится трудно выполнимой. Задача становится неизмеримо сложнее, если её рассматривать более интегративно – в масштабе всего обществоведения. Даже социология, призванная изучать общество как целостность, давно распалась на десятки частных направлений. Кроме того, междисциплинарные теоретические обобщения предполагают наличие соответствующего тезауруса, что требует или создания творческих коллективов

¹Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2016.

²Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр, 2012.

из представителей различных отраслей обществоведения, как показывает практика, это организационно сложно, или появления творческих, креативных личностей, способных исследовать общество в совокупности всех его связей и отношений. В современном мире это – И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Н. Смелзер, Р. Коллинз и другие социологи-генералисты, которых часто называют социальными философами, так как они работают на самом высоком уровне абстракции. Сюда же можно отнести израильского психолога Д. Канемана, основателя современной бихевиоральной экономики, получившего в 2002 г. Нобелевскую премию по экономике. Синтез общественных наук – это возвращение к социологии как генеральной науке, когда развитие общества потребовало универсального теоретического осмысления. “Большинство социологов-классиков были междисциплинарными генерализаторами – социологами-генералистами” [Доган, 2001: 12].

В России таких исследователей немного. Возможно, это связано со сдержанным отношением властей предрежащих к фундаментальным, основополагающим проблемам современной России. Для нынешней правящей номенклатуры спокойнее, когда проводятся исследования по частным проблемам науки. Но, как справедливо подчёркивал В.И. Ленин, не решив общих проблем, мы неизбежно будем “наткаться” на них при решении частных вопросов. Основной вопрос российского обществоведения – это диагностика нынешнего состояния российского общества, поиски ресурсов и путей замены лежащей в его основе политэкономической модели, сформированной российскими реформаторами в 1990-х гг. Наиболее остро его нерешённость ощущает экономическая наука, что естественно, ибо *экономические отношения являются базовыми, определяющими все остальные отношения в обществе – социальные, политические, правовые, нравственные, психологические.*

Наиболее крупные российские экономисты нередко выходили за рамки традиционных экономических теорий, применяя в своем анализе исторические, социальные, политические, духовные и психологические данные. Именно с этих позиций рассматривались экономические процессы, в том числе и экономические реформы 1990-х гг. Среди них академики: Л.И. Абалкин с его строгим методологическим предостережением: “Если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, да и вообще об экономических реформах 1990-х годов” [Абалкин, 1999: 173]; О.Т. Богомолов в результате применения сравнительного анализа переходных процессов в постсоциалистических странах назвал результаты российских реформ 1990-х гг. “столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, больших и малых, как европейских, так и азиатских” [Богомолов, 2001: 9]; Д.К. Львов обстоятельно проанализировал человеческий фактор российской реформации, определив гайдаровскую команду реформаторов как “костоломную машину” [Львов, 2007: 3]; Н.П. Шмелёв, автор знаменитой статьи “Авансы и долги” (1987) в журнале “Новый мир”, открывший дискуссию о рынке в период перестройки, дал лаконичную и безжалостную оценку итогов реформ 1990-х гг.: “Сегодня мы самая антисоциальная страна промышленного мира” [Шмелёв, 2008: 4].

Ныне эту эстафету принял Р. Гринберг – один из авторов концепции “экономической социодинамики”, за которую ему была присуждена Европейская премия “За вклад в экономическую науку” (2008). Появление концепции экономической социодинамики – реакция на крайний монетаризм, взятый на вооружение российскими неолибералами и разрушивший социальную сферу общества. Узко ориентированные специалисты не считают нужным заниматься общими проблемами национальных государств, часто сводя развитие всех стран к единой модели. Именно о них 60 лет назад Ф. Хайек писал, что “экономист, который только экономист, скорее всего, станет обузой, если не настоящей опасностью” [Науек, 1956: 463].

Гринберг в своих исследованиях исходит из того, что нет проблемы теоретически более актуальной и практически более востребованной, чем глубокий и всесторонний

анализ состояния общества. Он давно вышел за пределы отраслевого экономического подхода к анализу трансформационных процессов, происходящих в России. Его научный интерес концентрируется вокруг фундаментальных вопросов социальной философии и социологии – свободы, социальной справедливости, равенства, объективных и субъективных факторов общественного развития, либеральных и социал-демократических ценностей, способов распределения национального дохода, и, наконец, основной проблемы российского общества – социально-экономического генезиса и диагностики нынешнего состояния России.

В своей первой монографии по итогам реформ “Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора” Гринберг исходит из решения этого общего вопроса: пока существует политэкономическая модель, запущенная российскими неолибералами в 1990-х гг., никакие частные улучшения, связанные с деятельностью по совершенствованию промышленной, сельскохозяйственной, строительной, транспортной, финансово-кредитной политики не дадут эффекта, ибо эта модель не содержит в себе инновационного потенциала, а, наоборот, блокирует модернизационные ресурсы страны.

Анализируя уроки российской трансформации, Гринберг подчёркивает, что за годы реформ Россия утратила половину своего экономического потенциала. Но ещё хуже то, что пока не удаётся остановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы [Гринберг, 2012: 14]. Уже в этой работе он продемонстрировал глубокие познания в социальной проблематике, что подтверждается иллюстрацией его теоретических обобщений результатами социологических опросов, и основательной проработкой трудов ведущих российских социологов, теоретические выводы которых он активно использует. Так, включаясь в дискуссию о содержании категории “средний класс”, Гринберг исходит из принципиального различия между двумя категориями. С одной стороны, экономико-статистической категории “средний потребительский слой”, который реально существует во всех без исключения странах и базируется на простом критерии среднедушевого дохода. С другой, социально-политической категории “средний класс” как общественного стабилизатора гражданского общества, который сформировался в России в позднесоветский период, но был разрушен в результате реформации 1990-х гг. (см., например: [Симонян, 2008: 39]). В процессе неолиберальных реформ произошёл бурный рост чиновничества – наименее самостоятельной и наиболее сервильной части общества. Только ростом бюрократии смягчалось противоречие между созидательным ресурсом общества и непоследовательной деятельностью власти, чтобы гарантировать неизблемость существующей политэкономической конструкции. На это ещё в 1964 г. обратил внимание Г. Маркузе, который подчеркнул, что “конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведёт к усилению власти государственного аппарата” [Маркузе, 1994: 45–46].

Гринберг подробно показывает, как проходил этот процесс, как сформировалась нынешняя социальная структура общества. В своей новой книге он вновь возвращается к причинам утраты среднего класса: “Приватизация 1990-х годов привела не к появлению массы индивидуальных собственников с гражданским самосознанием, а, наоборот, к укреплению холопских чувств, ощущению себя подданным, а не гражданином государства” [Гринберг, 2016: 157]. В лапидарной форме подводит итог запущенного реформаторами процесса поляризации: “Самая главная трагедия сегодняшнего бытия – чудовищное расслоение, когда 10% живут нормально, а 70% – выживают”. Остальные 20% Гринберг отводит среднему потребительскому слою, часто некорректно именуемому “средним классом”, большинство которого составляет стремительно расплодившееся чиновничество и самая уязвимая часть общества – предприниматели.

Реформы привели к деиндустриализации, промышленное производство резко сократилось. Отсюда специфика российского малого бизнеса: торговля, сфера

обслуживания, общественное питание – но не производство. Малые предприятия за рубежом активно участвуют в основном производстве, апробируют инновационные идеи для производства. Но если производства нет, то нет и малого бизнеса [Гринберг, 2012: 99]. Испытывает депривацию и независимая интеллигенция. “Государство стремительно избавляется от социальных обязательств в науке, образовании, здравоохранении. Для нас это путь к научно-технической, экономической и социальной деградации, к утере нашего суверенитета” [Гринберг, 2012: 45]. Гринберг фиксирует ещё один показатель упадка общества: “Люди перестают учиться, развиваться – они только зарабатывают деньги – вот в чём заключается деградация” [Гринберг, 2012: 79]. Большое внимание он отводит субъективному фактору реформации. Вот как характеризует новую правящую номенклатура: «Люди, которые пришли во власть в начале 1990-х (многие из них правят и сегодня) являются представителями поколения, которое вошло в жизнь с двойным стандартом мышления. В детсадовском возрасте они были приучены одно говорить на людях, а другое на кухне. Они отличаются от представителей более старшего поколения – “шестидесятников”, начавших сознательную жизнь в хрущёвскую оттепель. Нынешняя номенклатура – двурушники с детства, и это повлияло на их менталитет» [Гринберг, 2012: 406]. Это перекликается с оценкой нравственной патологии представителей новой номенклатуры, которую даёт Ж. Тощенко: “Появление этого феномена можно объяснить особенностями разложения советского строя, когда противоречия между пропагандируемыми государственными ценностями и реальной практикой приобретали всё большую остроту” [Тощенко, 2015: 373].

Главный источник могущества страны – её экономика и благосостояние населения. Гринберг демонстрирует читателю экономические и социальные итоги деятельности российских реформаторов. “За четверть века реформ по важнейшим экономическим показателям не достигнут даже уровень 1990 года” [Гринберг, 2016: 96]. В результате реформации 1990-х гг. “государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а значительная часть населения, в первую очередь бюджетники, наёмные работники, пенсионеры, дети и инвалиды – в социальную обузу для членов этой корпорации” [Гринберг, 2012: 17]. Анализируя политическую сферу общества, автор солидаризируется с выводами социологов о том, что “нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает созданный в годы реформ экономический базис. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма – главный политический итог деятельности российских реформаторов” [Симонян, 2010: 147].

Таким образом, помимо экономической, другие основные сферы российского общества привлекают творческий и гражданский интерес Гринберга, его размышления о судьбах страны становятся концептуально глубокими и многоплановыми, а степень обобщения – на более высоком уровне теоретических обобщений.

В монографии “В поисках равновесия” автор размышляет по поводу диалектики свободы и справедливости в связи с реальным соотношением в социальной сфере интересов индивида и общества, в экономической сфере – деятельности рынка и государства, в политической – авторитаризма и демократии, в нравственно-психологической – гуманизма и аномии. При этом акцент сделан не только на анализ пройденного пути, но и на перспективы будущего развития, реальные возможности, существенно ограниченные негативным опытом постсоветского развития. Характеризуя результат гайдаро-чубайсовских реформ, Гринберг писал: «Урон страна потерпела сокрушительный и по объёму раскраденных национальных богатств, и из-за усиленной примитивизации производства и, главное, по упущенным времени и возможностям радикальных общественных преобразований. Но трагедия 1990-х гг. состоит ещё и в том, что эра “либерально-криминальной экономики” создала невероятные сложности для будущих реальных реформаторов, решающих задачи по построению социально ориентированного государства» [Гринберг, 2010: 7].

Ценности равенства, свободы и справедливости, по мнению Гринберга, образуют как бы три вершины треугольника, лежащего в основе социального государства.

И ни одну из них нельзя игнорировать без ущерба для двух других и общей концепции развития.

Дискуссия по поводу выбора между свободой и справедливостью, между индивидуализмом и коллективизмом, ведущаяся с античных времён – Аристотеля и Платона, продолжавшаяся в эпоху Просвещения – спором между Руссо и Вольтером, происходит и сегодня в российском обществе. Гринберга эта тема привлекает уже много лет. Первая глава его новой книги посвящена теоретическому осмыслению этой диалектики, поискам равновесия между индивидуализмом и коммунитетом, между либеральными и социал-демократическими ценностями, между рыночной стихией и государственным регулированием, и, в сухом остатке, между свободой и справедливостью.

Автор подчёркивает, что Россия за последнее столетие соблазнилась и тем, и другим. В 1917 г. она безоговорочно стала внедрять справедливость, и при советской власти равенство как синоним справедливости было достигнуто. Но свободой пожертвовали, поэтому эксперимент провалился. В 1992 г. бросились в другую крайность: по новой теоретической модели перешли к полному неравенству. Начали внедрять свободу, полностью проигнорировав справедливость, и вновь неудача – авторитарное государство с неэффективной, неконкурентоспособной экономикой, с беспрецедентной в российской истории пропастью между богатыми и бедными. Всероссийский опрос населения, проведённый в канун 20-летия реформ Институтом социологии РАН совместно с Фондом Ф. Эберта, показал, что “самым распространённым по частоте его переживания является **чувство несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося за прошедшие двадцать лет в России. Массовые опросы в авторитарных государствах имеют свою специфику, тем не менее исследование показало, что это чувство периодически испытывают свыше 90% россиян, при этом 48% испытывают его часто, а 77% испытывают чувство стыда за нынешнее состояние своей страны”. Опрос показал “устойчивое неприятие россиянами нынешнего жизненного уклада, который они считают не только несправедливым, но и позорным” [Двадцать лет..., 2011: 64, 66]. Российское общество всё отчетливее осознаёт, что запущенная в 1990-х гг. реформаторами политэкономическая модель разрушает страну. В 2011 г. доля тех, кто считает, что так дальше жить нельзя составила почти треть населения (29,8%). Причём это не связано с уровнем благосостояния респондентов, в эту группу входят как низко-, так и высокодоходные слои населения [Двадцать лет..., 2011: 68].

Равновесность – ключевое положение для экономической теории, от спроса и предложения до регулирования и стихийности, объёма полномочий государства и рынка. Но равновесие ничуть не менее важно во всех областях жизни человека и общества – в межличностных и групповых взаимодействиях. Поиск равновесия в нестабильном, всё более конфликтном, неравномерно развитом и обеспеченном мире – важнейший вопрос, возможно, вопрос выживания человечества” [Гринберг, 2016: 17]. Растущая пропасть между богатыми и бедными содержит в себе высокий риск общественных конфликтов. “В XX веке сформировался стихийный запрос на справедливость, и марксизм дал этой стихийности теоретическую основу” [Гринберг, 2016: 25]. В западных странах капитализм пошёл на уступки обществу из страха революции, и эта ответная реакция капитализма стала главным, что в экономическом смысле советская Россия – ценой своего опыта – дала миру в XX в.

В Европе в отличие от США задают тон социальные государства и социально ориентированные экономики. Гринберг считает, что создателями доктрины социального рыночного хозяйства были немцы, которые в 1930 г. эмигрировали из Германии. Отдавая себе отчёт о всех последствиях ничем не ограниченного либерализма и уже имея представление об изъятиях директивно управляемой экономики в Советской России и в Германии, они попытались соединить свободу и равенство, эффективность и справедливость. Тогда и возникла концепция социального рыночного хозяйства, основной императив которой – не отвергая рынок, совместить его

с государственным регулированием в интересах "благосостояния всех". Именно так – "Благосостояние для всех" – назвал свою книгу один из создателей в послевоенной Германии социального рыночного хозяйства Л. Эрхард, суть которого состояла в обеспечении баланса свободы и справедливости. Эрхард, ставший в 1949 г. министром экономики в правительстве К. Аденауэра, начал свои реформы. Но до этого французские коммунисты, вошедшие в правительство де Голля (1944–1947), действуя вместе с социалистами, добились принятия ряда основополагающих актов по созданию социального рыночного государства: демократической конституции 1946 года, социального законодательства, частичной национализации банков и крупной промышленности. После войны социальное рыночное хозяйство постепенно прижилось во всей континентальной Европе.

Но ещё раньше Европа обладала регионом, где уже существовали социальные рыночные государства, а социал-демократические ценности являлись традиционными в течение многих десятков лет – Скандинавские страны и Финляндия, непосредственные соседи России, общее свойство которых – генетическое стремление к равенству. В советское время широко употребляемый термин "шведский социализм" подчёркивал эту особенность.

Стремление к равенству не только присуще русскому социальному мышлению, в нашей ментальности – это одна из базовых ценностей. Социальная справедливость у нас означает, по существу, тот же феномен равенства, как и у наших соседей, только в более категорическом, можно сказать, даже сакральном выражении. Факт, который вызывает глубочайшее недоумение выбором российскими неолибералами модели капитализма – американской, ультралиберальной, крайне монетаристской, совершенно чуждой российскому менталитету, в то время как рядом, по соседству успешно – и экономически, и общественно-политически, и культурно-исторически – функционировала социал-демократическая модель, психологически близкая и приемлемая для российского менталитета.

Гринберг задаётся вопросом: "Можно ли считать, что опорочившая себя в России политика, ценой невероятных потерь подтвердившая свою ошибочность и антигуманность, осталась в прошлом, и что теперь мы вступили в период прагматических решений?" [Гринберг, 2016: 73]. И тут же даёт поучительный пример из нынешней российской действительности: у нас менеджеры получают не в 10–15 раз больше рядовых работников, как в западных странах, а в 1000–1500 раз. От идеи социальной справедливости мы отдаляемся всё дальше. "Нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство в определённых границах совместимы. Но сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной инфраструктуры общества, при отсутствии гарантии гражданских прав личности невозможно... Для человека креативного, для подлинного интеллектуального класса-творца (а не пресловутого "среднего по уровню доходов и потребления") нужна совершенно иная среда" [Гринберг, 2016: 153].

Сегодняшние реалии России свидетельствуют о том, что разрушение многих отраслей и предприятий промышленности сломало устоявшиеся кооперационные связи, привело к утрате кадров, технологической культуры, снижению квалификации рабочего класса. Именно здесь кроются причины системных недостатков и катастрофических неудач даже в таких отраслях, как ракетно-космическая и оборонная промышленности. Это ставит вопрос о модернизации хозяйственной сферы общества в качестве срочного, первоочередного. Гринберг убеждён, что модернизация России состоится. "Это может быть и прорывной вариант, может быть и широкая социально-экономическая модернизация" [Гринберг, 2016: 151].

В настоящее время Россия находится перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползания в зону технологического захолустья, либо резкий рывок

в области реиндустриализации. У нас два фактора: энергетическая независимость и высокий уровень интеллектуального потенциала нации. В России до сих пор сохраняется огромный объем знаний, не оценённых экономически.

Один из разделов своей монографии Гринберг назвал "Россия между отчаянием и надеждой", в ней автор подводит читателя к выводу о том, что Россия находится снова на исторической развилке. Великая страна должна занять своё достойное место среди развитых государств. Но для предстоящего модернизационного рывка России необходима новая модель развития, в которой свобода и справедливость составляют равновесие. Только при этом условии огромный социальный ресурс модернизации – трудовой и творческий потенциал россиян будет использован эффективно. Сегодня общественный прогресс и его главные ценности – человек, его жизнь и здоровье, достоинство, права и свободы – обуславливают то, что человеческое измерение развития становится главным в глобальной экономике на всех её уровнях [Гринберг, 2016: 154]. Этим обобщающим выводом Р. Гринберг завершает своё исследование двадцатипятилетия российской реформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И. Выбор за Россией. М.: Институт экономики РАН, 1998.
 Богомолов О.Т. Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М.: Экономика, 2001.
 Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2016.
 Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр, 2012.
 Гринберг Р.С. Слово к читателю // Мир перемен. 2010. № 1. С. 7.
 Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Изд-во "Весь Мир", 2011.
 Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 3–14.
 Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Изд-во "REFL-book", 1994.
 Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 39.
 Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М. Изд-во "Экономика", 2010.
 Тощенко Ж.Т. Фантомы современной России. М.: Центр социального прогнозирования, 2015.
 Шмелёв Н. Деньги, принесённые ветром // Время новостей. 2008. № 17. С. 3.
 Hayek F.A. The Dilemma of Specialization // L. White, ed. The State of the Social Sciences. Chicago: University Press, 1956.

Рецензия поступила: 25.01.17. Принята к печати: 12.03.17.

RUSSIA BETWEEN DESPAIR AND HOPE (ABOUT R. GRINBERG'S TWO BOOKS)

KOCHEGAROVA T.M.

Institute of Economics, Russian Academy Sciences, Russia

Tamara M. KOCHEGAROVA, Senior Research, Institute of Economics, Russian Academy Sciences, Moscow, Russia (sim@isras.ru)

Abstract. In the modern scientific search there is more and more a tendency to methods of cognition synthesis. This is especially true for the social sciences, in which the boundaries between the various branches of social science becomes blurred or conditional. One of the most prominent Russian economists Corresponding Member of RAS R. Grinberg – scientific director of the Institute of Economics – in his last two monographs devoted to the results of the Russian reforms of the 1990s, not only as a representative of theoretical economics, but also as a social philosopher, historian, cultural studies, psychology and political science, as a sociologist, in other words, specialist, considering society as a whole. And it is the only way to make an accurate assessment of the Russian Reformation that led our country to its present sad state.

Keywords: the dialectic of freedom and justice, balance, social democracy or neo-liberalism, sociodynamics or systemic crisis.

REFERENCES

- Abalkin L. I. (1998) *The choice is for Russia*. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Bogomolov O. T. (2001) *Post-socialist Countries in the Context of Globalization*. Moscow: Economy. (In Russ.)
- Dogan M. (2010) *Sociology among Social Sciences*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], No. 10: 3–14. (In Russ.)
- Grinberg R. S. (2016) *In Search of Balance*. Moscow: Master. (In Russ.)
- Grinberg R. S. *Freedom and justice. The Russian temptations of a false choice*. Moscow: Master. (In Russ.)
- Grinberg R. S. (2010) A Word to the Reader. *Mir peremen* [The World of Change], No. 1: 7. (In Russ.)
- Hayek F. A. (1956) The Dilemma of Specialization. In: White L., ed. *The State of the Social Sciences*. Chicago: University Press.
- Marcuse H. (1994) *One-Dimensional Man*, Moscow: Publishing house "REFL-book". (In Russ.)
- Shmelev N. P. (2008) Money, brought by the wind. *Time of news*. No.17: 3. (In Russ.)
- Simonyan R. H. (2008) The Middle Class in Contemporary Russia: Myth or Reality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], No. 1: 39. (In Russ.)
- Simonyan R. H. (2010) *Without anger and Predilection. Economic Reforms of the 1990s and their Consequences for Russia*. Moscow: Publishing House "Economics". (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T. *Phantoms of Modern Russia*. Moscow: Center for Social Forecasting, 2015. (In Russ.)
- Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements. (2011). Moscow: All World. (In Russ.)

Received: 25.01.17. Accepted: 12.03.17.

